

Словарь трудностей произношения, 2009 – Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке / Сост. А. Ю. Юрьева. М.: Центрполиграф, 2009. 525 с.

Суровцев, 1998 – Суровцев В. А., Сыров В. Н. Метафора, нарратив и языковая игра // Методология науки: Сборник трудов участников всероссийского философского семинара. Томск, 19-20 октября 1998 года. Томск: Томский государственный университет, 1998. С. 186-197.

Торп, 2016 – Торп Э. Обыграй дилера: Победная стратегия игры в блэкджек. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 280 с.

Фуко, 2004 – Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. 416 с.

Фуко, 2010 – Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 698 с.

Bartle, 2003 – Bartle R. Designing Virtual Worlds. New Riders, 2003. 937 p.
URL:

https://www.researchgate.net/publication/200025892_Designing_Virtual_Worlds
(дата обращения: 16.11.2025)

Crary, 2000 – Crary A., Read R. The new Wittgenshtein. London and New York: Routledge: Taylor & Francis Group, 2000. 403 p.

Kasparov, 1996 – Kasparov G. The Day That I Sensed a New Kind of Intelligence // Time. 1996. March 25, no. 13. URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,984305-1,00.html> (дата обращения: 06.02.2023)

Suits, 2005 – Suits B. The Grasshopper: Games, Life and Utopia. Peterborough, ON: Broadview Press, 2005. 179 p.

УДК 130.2

Дунаева С. Л.,
ассистент кафедры философии,
Ленинградский университет им. А. С. Пушкина

Исторические концепции в философии Г. Зиммеля и О. Шпенглера

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-4-93-103

Интерес к истории связан со стремлением человека осмыслить себя во времени и понять причинно-следственные связи событий. В XIX веке появилась проблема историзма, связанная с ограниченностью прогрессивного подхода к истории. Культурные предпосылки, включая идеи Ф. Ницше, В. Дильтея и теорию относительности Эйнштейна, повлияли на философов жизни начала XX века. Г. Зиммель критиковал линейность истории, предлагая учитывать значимость событий для отдельных людей и культур. О. Шпенглер развил эту

мысль, предложив отказаться от классической периодизации и рассматривать историю как жизненный цикл культур. Такой подход подчёркивает уникальность каждой культуры и вводит элементы фатальности и случайности в её развитие. Философы жизни предложили рассматривать историю через призму индивидуальной и коллективной памяти, что противоречит традиционному подходу.

Ключевые слова: историзм, исторический процесс, философия жизни, Г. Зиммель, О. Шпенглер, историческая память.

Dunaeva S. L.,

*Assistant at the Department of Philosophy,
Leningrad University named after. A. S. Pushkin*

Historical concepts in the philosophy of G. Simmel and O. Spengler

Interest in history is connected to a person's desire to understand themselves within the context of time and to grasp the cause-and-effect relationships of events. In the 19th century, the problem of historicism emerged, highlighting the limitations of a progressive approach to history. Cultural factors, including the ideas of Nietzsche, Dilthey, and Einstein's theory of relativity, influenced early 20th-century philosophers of life. Georg Simmel criticized the linear view of history, proposing to consider the significance of events for individuals and specific cultures. Oswald Spengler developed this idea further, suggesting the abandonment of the classical periodization of history and viewing it instead as the life cycle of distinct cultural types. This approach emphasizes the uniqueness of each culture and introduces elements of fatality and chance into its development. As a result, philosophers of life proposed to study history through the lens of individual and collective memory, which contradicts the traditional linear approach.

Keywords: historicism, historical process, philosophy of life, Simmel, Spengler, historical memory.

Интерес к истории человечества всегда остается актуальным в силу историчности человека, который ощущает свою конечность и стремится осмыслить себя в потоке исторического времени. Познание себя как исторического существа является естественным для человека состоянием, поскольку осознание себя в определенном временном отрезке позволяет осознавать себя как часть истории, выстраивать или, наоборот, разрушать культурные границы вокруг себя. Кроме того, человек обращается к истории для объяснения причин и следствий происходящих событий, выступающих как повторение в той или иной форме исторического прошлого, что необходимо для прогнозирования возможного будущего. Еще одной причиной для изучения истории является формирование своего мировоззрения и идентичности. Знание

прошлого своего народа позволяет человеку осознать свою причастность к определенной культуре и, следовательно, глубже понять себя и свое место в мире. С профессиональной точки зрения, историческое знание выступает контекстом, знание которого необходимо при проведении исследований. Вместе с тем изучение истории развивает критическое мышление, защищающее человека от разного рода манипуляций со стороны социума.

Для всего XIX века характерна проблема историзма, заключающаяся в обобщении исторических знаний, их идеализации и заключении в определенные логические конструкции. Согласно идеям немецкого идеализма, в частности Ф. Гегеля, история вместе с другими формами жизни представляет собой сферу объективного духа, который проявляется в виде права, морали, религии и других ценностей, а они, в свою очередь, объективируются в семье, гражданском обществе и государстве [Арнаутова, 2019: 91].

Следовательно, мир возможно познавать только при помощи разума. Результатом этого была формулировка теории прогресса, согласно которой единственная и истинная цель исторического развития состоит в достижении материального благосостояния, более высокого уровня материальных условий жизни, лучшего будущего для человека и всего мира. Однако ко второй половине XIX века Германия столкнулась с рядом проблем политического и социального характера. В обществе появилось понимание того, что прогрессивный подход и универсализация исторического знания не соответствовали культурным запросам того времени.

Вместе с тем в первой половине XIX века стали формироваться исторические эмпирические школы, представителями которых были известные немецкие историки Ф. К. Шлоссер, Ф. К. Дальман, Г. Гервинус, И. Г. Драйзен и Л. Фон Ранке. Они ставили перед собой задачу не столько сформулировать теории и концепции развития истории, сколько найти и описать новые исторические знания, открыть новые методы изучения истории. Например, Ранке предложил использовать архивные источники как основной источник изучения прошлого. Как отмечают исследователи, к «хорошо использовавшимся нарративным источникам он прибегал в крайнем случае и только в качестве вспомогательных средств» [Ростиславлева, 2017: 250]. Исторические источники накапливались в научной среде, вместе с тем человек был пресыщен историческим прошлым.

Кризис историзма на рубеже XIX-XX веков выявил ключевую проблему несоответствия между линейными схемами исторического прогресса и конкретным, переживаемым опытом человека во времени. В современной историографии наследие Шпенглера, в частности его теория культурно-исторических типов, продолжает активно изучаться в контексте философии культуры и цивилизационного подхода (см. например Дюков, Равочкин).

В то же время историческая концепция Зиммеля, особенно его анализ исторического опыта и значимости событий, остается на периферии исследовательского внимания, затрагиваясь лишь фрагментарно (Губман, Ануфриева). Основной темой исследования становятся темы философии денег и

городской культуры (см., например, Карпов, Симонов, Верховин). При этом сравнительный анализ и концепций, выявляющий общее и особенное в понимании исторического процесса, представлен в науке фрагментарно.

Новизна настоящего исследования заключается в рассмотрении исторических концепций Зиммеля и Шпенглера в едином проблемном поле, в центре которого находится историческая память. Оба философа предлагают разные теории историчности, основанные на памяти. Зиммель акцентировал внимание на анализе событий, исходя из исторического контекста и памяти, Шпенглер – на памяти культуры и фатальной биографии культуры, предопределяющих ее судьбу.

Такой подход позволяет провести аналитическое сравнение, выявив, как в рамках одного направления – философии жизни – зарождаются две различные методологии понимания истории и центральное место в них занимает историческая память.

Содержание исследования

Представители философии жизни одними из первых обратились к проблеме несоответствия между историческим знанием и человеком. Ф. Ницше подчеркивал, что исторических знаний стало настолько много, что человек не успевает осмыслить и принять их в своей жизни [Ницше, 1990]. В. Дильтей развивал идею о связи исторического прошлого с человеком, отмечая, что только осмысленная и переживаемая история может быть основанием для изучения прошлого [Дильтей, 2000]. Идеи Ф. Ницше и В. Дильтая представляют значимые предпосылки для формирования принципиально новых концепций изучения истории, которые сформировались в 1910-1920-х гг. в трудах Г. Зиммеля и О. Шпенглера.

Еще одной предпосылкой для формирования новых взглядов на историю считается формулировка специальной теории относительности А. Эйнштейном, после которой абсолютные истины отвергались. В обществе рос запрос и потребность в пересмотре многих теоретических знаний, в том числе исторических концепций.

Вопрос изучения исторического прошлого приобрел более острую актуальность в эпоху довоенного времени Первой мировой войны. Немецкая культура переживала духовный кризис и ощущала необходимость смены мировоззрения. Как отмечал Л. Г. Ионин, перед Первой мировой войной человек чувствовал большую растерянность: «было ясно, что действует неврастеническое поколение, лишенное чувства уверенности в самом важном» [Ионин, 1981: 7].

Исторические условия, ощущение растерянности и растущие потребности в смене мировоззрения определили круг научных интересов Зиммеля. В 1910-е гг. философ уделял внимание вопросам философии жизни, изучение которой происходило в контексте рассмотрения различных тем: культуры, человека, конфликта, критики идей предшественников, житейских вопросов и в том числе истории.

Зиммель негативно оценивал эмпирический подход к исследованию истории, отмечая неактуальность и несостоительность сбора и описания фактов. Согласно его взглядам, исторические события складываются в определенную логическую нить, и если описывать историю только как последовательность свершившихся событий-фактов, то при самых больших усилиях исследователя между событиями, как правило, будут оставаться интервалы, которые «не удается до конца заполнить». Как отмечал Зиммель, непрерывность времени «также трудно получить, как невозможно заменить непрерывную линию бесконечным умножением отдельных точек» [Зиммель, 1996: 527].

Непрерывность исторического времени достигается не установлением всех фактов и их последующей фиксацией в письменных источниках, но при включении события в культурный контекст.

Любое событие может называться историческим, если его поместить в определенное время: «содержание действительности является историческим в том случае, если мы можем прикрепить его к какому-то месту в рамках нашей системы времени, причем с определенностью, которая может иметь самые различные степени точности» [Зиммель, 1996: 517]. Однако помещение события в точное время является недостаточным для исторического знания.

Историческое время Зиммель понимал не как абсолютную величину, а как последовательность точек, в каждой из которых событие приобретало свое смысловое место: «историческим может считаться лишь то содержание, которое фиксируется во времени. С другой стороны, оно будет историческим лишь в том случае, если оно образует вместе с другими понимаемое единство, которое, пока оно определяется исключительно вневременным содержанием, может перемещаться в любое время без помех для понимания» [Зиммель, 1996: 521]. Иными словами, фиксация события в абсолютном времени, т. е. обозначение его свершения в определенный день, месяц или год, не имеет исторической значимости. Значимость и смыслы исторических событий формируются после их включения в исторический контекст, что возможно только в сознании человека.

Определение точного времени (часа, дня или года) не представляет никакого образа истории для человека. Зиммель приводил пример с определением времени правления исторического деятеля: «Если из темной для нас эпохи мы получили сведения, что некий король правил тридцать лет, то исторически это говорит нам ничуть не больше, чем известие о десяти годах правления» [Зиммель, 1996: 524]. Очевидно, что количественные показатели не сообщают человеку никакой информации, поскольку в них не содержится той эмоциональной составляющей, что воздействует на сознание человека. Вместе с тем, для исторического анализа одна лишь датировка также не представляет большой значимости, поскольку невозможно только на основе факта времени сделать полноценные выводы.

Связь между событиями достигается не столько установлением последовательности их и выявлением логических звеньев, сколько индивидуальным восприятием, которое складывается из личного представления,

оценки и эмоционального влияния произошедшего события на человеческое сознание.

Следовательно, историческая связь уже не может пониматься как единая линия или цепь событий, универсальная для всего человечества; необходимо учитывать множественность перспектив и интерпретаций. Историческое восприятие представляет собой динамическую картину из неоднородных точек и связей между ними, которые могут изменяться, прирастать или исчезать со временем в зависимости от того, каким образом и с какой интенсивностью сохраняется воспоминание событий об ушедшем времени. Связи между событиями зависят не только от текущего времени, но и от принадлежности человека к определенной культуре и исторической эпохе. Ввиду того, что история носит индивидуальный характер, картина истории будет различной для разных людей. Точки-события могут быть общими у людей в зависимости от принадлежности к определенной группе: семье, коллективу, отдельной социальной группе, культуре, государству или всему миру. Наименьшее количество общих точек содержится в исторической картине всего человечества, куда входят события, повлиявшие на всю историю, как, например, вышеупомянутая теория относительности.

Индивидуальное восприятие и личная оценка факта как ключевой фактор изучения истории разрушает ранее устоявшееся атомистическое мировоззрение, не дававшее возможности учесть индивидуальность в истории: «атомистическое мировоззрение, для которого малейшие частицы с их движениями составляют единственную реальность, не может ни решить проблемы индивидуальности...» [Зиммель, 1996: 528].

Таким образом, Зиммель предпринял попытку заменить историю как автономное знание о фактах внешнего мира на историю как память отдельно взятых людей. Для мыслителя история как память является более логичной и естественной, поскольку она сохраняет события не в точной последовательности и полном содержании, а в том виде, в каком требует сама жизнь в настоящее время с расставлением значимости событий для человека в настоящем времени [Зиммель, 1996: 529].

Еще одним наглядным примером утверждения истории как памяти является эссе «К вопросу о философии истории» (опубликовано в «Die Probleme der Geschichtsphilosophie», 1892), в котором Зиммель сравнивал представление о себе и о другом человеке. Восприятие человека складывается не из прямого наблюдения, а из фактов-воспоминаний о человеке, из которых складывается единый образ. Однако подобный целостный образ невозможно сформировать о самом себе, поскольку человек находится в непрерывном течении своей жизни, в которой он постоянно меняется. Из этой двойственности возникает парадоксальное предположение, что человек о себе знает настолько много, что невозможно собрать из себя единый и целостный образ. И, наоборот, чем меньше воспоминаний о другом человеке, тем легче сложить о нем единый и целостный образ [Зиммель, 1996: 532]. Аналогия с человеческим индивидуальным восприятием позволяет сделать вывод о культурной памяти. Количество и

качество воспоминаний об одном событии влияют на многомерность, разносторонность и сложность культурной памяти. Следовательно, изучение памяти и воспоминаний о событии позволяет человеку не столько накапливать информацию, сколько переосмысливать уже прошедшее время. Такой подход способствует непрерывному воспроизведению смыслов культуры, что необходимо для ее жизни.

Зиммель не ставил перед собой задачи изменить методологическую парадигму в изучении истории, его целью было проанализировать жизнь, исходя из самого понятия жизни. Описание истории выступает примером включения исторических событий в общий контекст жизни, в котором они приобретают более естественный и логический порядок. В соответствии с философией жизни история складывается из памяти человека об ушедшем времени. Очевидно, что концепцию Зиммеля следует считать одной из первых попыток пересмотра философии истории, о чем упоминали впоследствии другие философы. Р. Дж. Коллингвуд отмечал, что Зиммель предпринял третью попытку построения философии истории, однако ему «не хватало основательности» [Коллингвуд, 1980: 163].

Зиммель критиковал устоявшиеся представления об истории, однако не призывал отказываться от них как от методологии, признавая ее важность для профессиональной деятельности историков. История как память необходима для изучения жизни человека, следовательно, жизнь, по мысли Зиммеля, не может рассматриваться без восприятия и индивидуальности человека, в которой память занимает первостепенное значение.

Попытку сменить методологическую парадигму в исторических исследованиях предпринял О. Шпенглер (1880–1936). Он не был последователем идей Зиммеля и Дильтея – в основном, он отталкивался от взглядов Ницше и считал себя преемником Гете: «В завершение мне не терпится еще раз назвать имена, которым я обязан почти всем: Гете и Ницше. У Гете я заимствую метод, у Ницше – постановку вопросов» [Шпенглер, 1993: 126]. Основной темой его исследований была морфология всемирной истории, при изучении которой он уделил большое внимание вопросу развития культур, существовавших в разное историческое время.

В результате исторических исследований путем аналогии событий в разных культурах Шпенглер пришел к выводу о несводимости истории к единой линии последовательности событий. Он критически оценивал классический подход к изучению истории, согласно которому время делится на три большие эпохи: 1) Древний мир – период примерно с 10 тыс. лет до н. э. по 476 г.; 2) Средние века – период, примерно продолжавшийся с 500 года до 1500 года; 3) Новое время – период с XVI по XIX вв. Смена эпох происходила вместе с событиями, значимыми для западноевропейской культуры: падение Римской империи, эпоха великих географических открытий, Великая французская революция. Согласно этой периодизации, исторические моменты получают значимость в том случае, если соотнесены с ключевыми датами классической

хронологии. Остальные события отрицаются или не получают какой-либо значимой оценки историками.

В классическом понимании происходящие события представляют сумму моментов, не имеющих никакой целостной связи между собой [Шпенглер, 1993: 150]. По этой причине Шпенглер при помощи морфологии всемирной истории предлагал не рассматривать историю всемирную и общую, а углубиться в изучение каждой культуры в отдельности, что представляло наивысший интерес для историософа. Углубленное изучение давало возможность увидеть «настоящий спектакль множества мощных культур», каждая из которых представляла «собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, воления, чувствования, собственную смерть» [Шпенглер, 1993: 151].

Шпенглер отмечал уникальность, неповторимость каждой культуры, в которой события по значимости такие же или превосходящие эпохальные события западноевропейской культуры. Например, Великой французской революции в европейской истории может соответствовать падение династии Чжоу в китайской культуре⁴.

В случае рассмотрения истории только в контексте развития культурно-исторических типов каждое событие имеет степень значимости в зависимости от принадлежности к той культуре, в которой оно происходило. Такой подход, согласно взглядам Шпенглера, избавлял историческую науку от излишнего европоцентризма [Шпенглер, 1993: 144].

Теория Шпенглера сформулирована на основе сравнений и аналогий событий, что повлекло критику со стороны последующих исследователей, отмечавших излишний рационализм и метафизичность в рассмотрении исторического прошлого. Г. Риккерт отмечал, что подобный подход ведет к отказу от индивидуального подхода в исследовании: «Но он не замечает, что всякое генерализирующее, следовательно также и морфологическое изложение, должно вести по самому своему существу к удалению из истории неизменно индивидуального» [Риккерт, 2000: 299]. Р. Дж. Коллингвуд отмечал антиисторичность и позитивистский характер взглядов Шпенглера, поскольку история была заменена натуралистической наукой, «ценность которой заключается во внешнем анализе, в открытии общих законов и (главное свойство неисторической мысли!) претензиях на предсказание будущего, основывающихся на научных принципах» [Коллингвуд, 1980: 174]. В меньшей степени последователи отмечали теорию Шпенглера как часть иррациональной философии [Алферов, 2016: 76].

Теория культурно-исторических типов как подход к изучению истории культуры носит иррациональный характер, поскольку прогнозирование истории

⁴ В «Закате Европы» Шпенглер приложил таблицы, в которых он сравнивает события в индийской, античной, арабской и западной культурах, и главным критерием для сравнения выступают этапы развития культур – от глубокой древности к культуре и цивилизации как завершающему этапу существования культуры, см. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. С. 189–200.

возможно только на основе изучения культуры как жизни человека, которой свойственны этапы рождения, развития, расцвета – зрелости, затухания и смерти. Рождению соответствует этап глубокой древности, расцвету – культура, замиранию и смерти – цивилизация.

Кроме того, жизнь культуры, как и человека, содержит в себе обязательный элемент фатальности и случайности, в результате которой культурно-исторический тип может исчезнуть насильственно по внешним и внутренним причинам, что предвидеть рациональным способом не представляется возможным: «по картине какой-либо эпохи исход целых народов, притом непроизвольно и без «системы», остается бесконечно далеким от всякого рода «причин» и «следствий» [Шпенглер, 1993: 274].

В подтверждение тезиса о развитии истории согласно принципам жизни следует рассмотреть идею Шпенглера о существовании души культуры, в которой заключается характер культурной жизни, выраженной в архитектуре, живописи, музыке и других формах, в которых себя проявляет человек: «Душевной статике аполлонического существования – стереометрическому идеалу <...> противостоит душевная динамика фаустовского» [Шпенглер, 1993: 486]. В своей работе Шпенглер противопоставил аполлоническую и фаустовскую души: первая символизировала античную культуру, в которой восприятие было направлено на изучение пространства вокруг себя, внешнего мира в статичном состоянии, и историческое прошлое как длительность в восприятии античного человека не имело большой значимости; вторая – фаустовская душа – олицетворяла западноевропейскую культуру, и история имела первостепенное значение в познании окружающего мира и себя: «историческое будущее есть становящаяся даль; бесконечный горизонт мира – даль ставшая; таков смысл фаустовского переживания глубины» [Шпенглер, 1993: 489].

Противопоставление культур через понятие души отражает и олицетворяет проблему исторической памяти культуры, на основе которой выстраивается социальное взаимодействие, культурные традиции и вся культурная жизнь людей. То есть законы и принципы развития культуры не являются одинаковыми для каждой из них. Основываясь на критерии души культуры, Шпенглер разделил культуры на два типа: первый относится к обществам и народам, которые выстраивают будущее на устоявшихся традициях и прошлом. В пример историософ приводил душу египетской культуры, которая «ощущала прошлое и будущее как весь свой мир, а настояще, идентичное с бодрствующим сознанием, представлялось ей просто узкой границей между двумя неизмеримыми долями» [Шпенглер, 1993: 140]. Второй тип культуры основан на настоящем и будущем временах, и человек в ней, как правило, не стремится к историческому познанию мира и самого себя. К этому типу Шпенглер относил античную культуру, душа которой стремится к проявлению во внешнем мире [Шпенглер, 1993: 141].

Противопоставление культур по критерию души легло в основу культурфилософских концепций философов-структурлистов. К. Леви-Стросс

позднее сформулировал понятие горячей культуры, для которой характерны постоянные изменения, активное применение технологий и инновационных разработок, и холодной культуры, для которой большое значение имеет сохранение традиций. Это различие позволяет типологизировать культуры и выявить их отношение к истории.

Концепции Зиммеля и Шпенглера отражают главную тенденцию философии истории начала XX века: отказ от линейной и единой истории для всего человечества, поскольку в таком устоявшемся виде история не отвечает принципам жизни – понятии, из которого определяется и формулируется вся философия жизни.

Выводы

История существует по мере развития и существования самой жизни. Различие взглядов на линейность и многополярность исторического прошлого заключается в том, что Зиммель не предлагал полностью отказываться от традиционного подхода, тогда как Шпенглер настаивал на необходимости отказа от концепции мировой истории. Последователи критически оценивали этот призыв. Например, К. Ясперс отмечал, что игнорирование мировой истории ведет к невозможности осмысливать процессы, происходящие в ней: «По широте и глубине перемен во всей человеческой жизни нашей эпохе принадлежит решающее значение. Лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмыслиения того, что происходит в настоящее время» [Ясперс, 1991: 29].

Очевидно, что в этой ситуации следует разделять два подхода к изучению исторического знания. Первый – уже устоявшийся подход – предлагает сохранение исторического знания о фактах и событиях, происходивших в определенное время, что необходимо как основа для дальнейшей профессиональной деятельности, в которой первостепенное значение имеет анализ исторической информации. Второй подход, предложенный философами жизни, олицетворяет не столько историческое знание, сколько историческую память в контексте жизни. В соответствии с этим возникает противоречие и логический отказ от линейности, поскольку жизнь и память не могут быть едиными для всего человечества и живут в человеке или единице общества: семье, народе, культуре и пр. Соответственно, историческая память будет едина только для определенной группы, которой она и принадлежит.

Список литературы

Алферов, 2016 – Алферов А. А. Очерки философии истории. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 231 с.

Арнаутова, 2019 – Арнаутова Ю. Е. "Историзм", "проблема историзма", "кризис историзма": феномен историзма и понятие историзм в немецких науках о духе XIX-начала XX в. Новое прошлое. 2019. № 4. С. 86-110.

Губман, 2020. – Губман Б. Л. Проблема исторического опыта в философии Г. Зиммеля: Вестник Тверского государственного университета. Философия. 2020. № 3 (53). С. 257-273.

Верхвоин, 2012 – *Верховин В. И.* Феномен денег в социологии Г. Зиммеля: Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14. № 2 (71-72). С. 137-143.

Дильтей, 2000 – *Дильтей В.* Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / пер. с нем. Под ред. В. С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 763 с.

Дюков, 2023 – *Дюков Е. В.* Сущность «души культуры» в теории О. Шпенглера: Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира: Материалы X международной научной конференции, Челябинск, 16 ноября 2023 года. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. С. 197-204.

Зиммель, 1996 – *Зиммель Г.* К вопросу о философии истории. Избранное. Т. 1. Философия культуры / сост. С. Я. Левит. М.: Юрист, 1996. 671 с.

Зиммель, 1996 – *Зиммель Г.* Проблема исторического времени. Избранное. В 2 т. Т. 1. Философия культуры / сост. С. Я. Левит. М.: Юрист, 1996. 671 с.

Ионин, 1981 – *Ионин Л. Г.* Георг Зиммель – социолог. М.: «Наука», 1981. 129 с.

Коллингвуд, 1980 – *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.

Левит, 2019 – *Левит С. Я.* Философия культуры Г. Зиммеля: Вестник культурологии. 2019. № 1 (88). С. 82-108.

Ницше, 1990 – *Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. Литературные памятники / сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 829 с.

Равочкин, 2015 – *Равочкин Н. Н.* Культурологические теории Данилевского, Тойнби и Шпенглера в контексте современной методологии культуры: Аналитика культурологии. 2015. № 2 (32). С. 30-37.

Риккерт, 2000 – *Риккерт Г.* Философия жизни. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 238 с.

Ростиславлева, 2017 – *Ростиславлева Н. В.* Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4–2(10). С. 244-254.

Шпенглер, 1993 – *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.

Ясперс, 1991 – *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Симонов, 2019. – Симонов А. И. Культура и ее кризис в философско-культурологической концепции Георга Зиммеля: Человек. Культура. Образование. 2019. № 2 (32). С. 21-34.